

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Неожиданное открытие

«Когда умолкнут все песни, Которых я не знаю, В терпком воздухе крикнет Последний мой бумажный пароход.

Good-by Америка, о, Где я не был никогда. Прощай навсегда. Возьми банджо, Сыграй мне на прощанье...»

Рок группа Nautilus Pompilius, из ранних произведений.

«В современном обществе под половым актом понимается контакт двух особей с целью получения полового удовлетворения (наслаждения), при котором половой член вводится во влагалище партнёра.»

Из материалов википедии.

Коммуналка. Фу. От одного только слова тошнит. До каких же пор будет существовать эта уродливая разновидность недвижимости, где вообще-то сделано всё, чтобы максимально ущемить права человека и до самого плинтуса унизить его достоинство. Бытует мнение, что тот, кто достаточно долго в ней прожил и со временем не спился, скорее всего приобретает серьёзные нарушения психики и существенно сокращает себе жизнь. Повсеместно считается, что курить и злоупотреблять алкоголем вредно, но почему-то умалчивается о том, что проживать в коммуналке отнюдь не полезно. Ведь нервные клетки не восстанавливаются. И если бы мне вдруг предложили на выбор из двух зол меньшее, то я без колебания бы выбрала никотин и алкоголь. Потому как прожить недолго, но комфортно, на мой взгляд, будет во сто крат лучше, чем такое же количество лет баражать в этой зловонной клоаке. Качество жизни! Вот что важно на этом свете, ну а что будет на том — так оттуда покамест никто не вернулся и не поведал. Говорят, что коммуналки — это изобретение давно обратившихся в прах функционеров ударных пятилеток когда-то процветавшей советской империи, и у меня нет никаких оснований этому не верить. Ведь коммуналка-то и происходит от красивого слова «коммуна».

Только в этом самом СССР в коммуналке люди жили с перспективой получения отдельного и благоустроенного жилья, а вот в нынешнем буржуинском царстве-государстве туда попадают те, кто это самое жильё уже просрал или по каким-то другим причинам оказался на обочине жизни. К моему несчастью и по наивной глупости, я попала в число безнадёжно-постоянных обитателей этого серпентария. Спасибо ушлым местным чиновникам-бизнесменам. Как лихо, по накатанной схеме они запихали меня в эту самую коммуналку, когда я вышла из детдома. Вместо положенной по закону отдельной квартиры, пусть и маломерки, они мне сунули под нос красивый кукиш с маслом, потрясли под носом какими-то бумажками и сказали, что только коммуналка, либо прибор мужского рода во все мои естественные отверстия одновременно и по самые не балуйся. Ублюдки. Со временем я поняла, что меня попросту кинули, но вернуть всё назад было уже поздно. Через два года проживания в этом змеепитомнике, я стала чувствовать, что у меня реально едет крыша. По совету подруг я начала готовиться к поступлению в колледж, и если только поступлю, то наконец-то перееду в студенческую общагу. Тоже, конечно, коммуналка, но проживает-то в ней совсем уже другой контингент. Ну а пока, пока...

— Когда ты, скотина проклятая, алкаш чёртов, гад ползучий, уже нажрёшься, подонок, чтоб ты сдох скорее от этой палёнки — слышался за картонной стеной голос соседки тёти Наташи.

— Сама сдохнешь, сейчас, падла, убью ссуку — вторил ей пьяный голос дяди Вадика, непутёвого тёти Наташиного мужа-алкоголика.

И снова, с ежедневным постоянством, грохот падающей мебели, крики и топот уже в коридоре.

А-а-а-а — кричала тётя Наташа, пробегая мимо моей комнатушки.

У-у-у-у — орал в стельку пьяный дядя Вадик, несясь вслед за нею, и размахивая над головой топором.

И каждый день такой концерт. И милиция, и полиция, и участковый по сто раз тут перебывали, но вечно и незыблемо пьяный индеец Джо с боевым томагавком наперевес, униматься или подыхать никак не хотел. Да и тетя Наташа тоже хороша птичка. Как только вождь краснокожих и красномордых выдвигался с утра на очередную шабашку, тут же сразу комната тёти Наташи становилась временным пристанищем для её многочисленных кобелей, менявшихся со скоростью звука. Любвеобильная гетера успевала пропустить через свой станок от пяти до восьми функциональных хахалей и к приходу Чингачгуга едва успевала навести порядок. Но в коммуналке стены имеют глаза и уши, и безо всяких там камер и видеорегистраторов грозный и заправленный по пути под завязку ирокез знал обо всех подробностях ещё на подходе. С наполовину отпитой бутылкой бормотухи, торчащей из кармана, в полной боеготовности, он чесал кулаки и почти ровно шёл по тропе войны.

Если бы только это. Ведь на нашем пролёте проживали ещё две тётки, лет так под пятьдесят, которые баловались водочкой с завидным постоянством, и с наступлением сумерек у них начиналась дискотека 80-х. Они визжали и плясали, вспоминая молодость чуть ли не до рассвета, и курили как сапожницы, отравляя своим дымом весь коридор. Их ностальгические посиделки к полуночи плавно переходили в ностальгические музыкалки и ритмичный грохот ударника сливался с топотом каблуков их туфель. Стены и пол ходили ходуном и засыпать приходилось в условиях взлёта сверхзвукового бомбардировщика. Ещё в одной комнате жила молодая девушка-лесбиянка по имени Оля, которая лесбиянкой стала в тюрьме, отсидев пятёрку за непреднамеренное убийство неверного мужа. Во всяком случае, так говорила тётя Наташа. Вот такой личный состав лишь на нашем пролёте воинской помойки, именуемой коммуналкой. По воплям и крикам из другой половины, можно было судить о проживающих там выползнях ещё похлеще. Немудрено, что участковые менялись у нас тоже с завидным постоянством, устав разгребать очередную бытовую блевотину. Ну про плесень, тараканов, пауков, и прочих представителях местной поганой флоры и фауны — это отдельная история, и упоминать про неё уже просто нет сил.

Говоря про Олю, что она была лесбиянка, тётя Наташа была не совсем права. Скорее всего, собрала чужие сплетни. Или потому, что Оля приводила не одних только парней, но и размалёванных девок? И перед дверью её каморки впору было вешать красный фонарь? Скрип дивана, непрекращающиеся стоны и характерный свист плетей наводили на подозрения, что её комната напоминает пыточную палатку подразделения игил для выбивания показаний из Сирийских военнопленных. Но ведь добровольно же ходят. Значит, получают удовольствие. Да и не постоянно это было. Чаще за дверью царила тишина и даже звук телевизора был приглушённым. Меньше всего я знала эту Олю, потому как тесно с ней не контактила. Да и встречались мы с ней не часто, потому что её комната располагалась в самом конце коридора. Работая посменно, я уходила рано и приходила поздно. А когда наступали выходные, я по большей части где-нибудь гуляла, а в непогоду предпочитала

сидеть у себя в комнаушке перед телевизором. Что бы там соседи не говорили про эту Олю, то ей-то как раз я симпатизировала больше всех, потому что она никому не мешала, не орала и почти не шумела. И самое главное, не сплетничала и ни на кого не клеветала. Да и пьяной, пожалуй, я её ни разу не видела. А чем она там занимается у себя за дверью — так это её личное дело.

Кто жил в коммуналке, тот знает, что из себя представляет так называемая кухня с одной единственной донельзя засратой газовой плитой, на которой готовили все обитатели с нашего пролёта, естественно по очереди, и на стене висел график приготовления пищи. Наводить здесь порядок — означало плевать против ветра и дежурных по уборке отродясь не было уже с тех самых серпастых времён. Впрочем, в ванную ходить и стирать барахло следовало тоже в порядке очереди. Можно было вовсе не стирать, как некоторые и поступали. А дядя Вадик предпочитал даже не мыться и делал это исключительно из под палки своей дражайшей супруги. Вполне резонно он считал, что водка и так убьёт все микробы в его организме, и тратиться там на какое-то мыло было ниже его достоинства.

Я заканчивала готовить вечернюю стряпню и собиралась свалить в свою каморку. Принимать пищу, то есть трапезничать в помещении общей кухни, значило не уважать саму себя. Взяв сковородку, я собиралась уже выходить, как в проёме кухонной двери, загородив собой проход, возникла эта Оля. Как будто поджидала, когда я закончу с готовкой. Говорят, что женщина — это тайна, покрытая макияжем. Следуя этому правилу, Оля всегда наносила на себя не меньше килограмма дешёвой штукатурки. Хотя и безо всякого макияжа я считала её вполне симпатичной. Весьма стройная, с красивыми ногами и прямой осанкой, она была гибкой и передвигалась с какой-то особенной кошачьей грацией. И следила за собой, одеваясь во всё чистое. Не то, что те две тётки совковых времён, в засаленных майках, забрызганных колготках, вбивающие грязные каблуки в пол, словно они находились на параде перед трибуной мавзолея и отдавали честь тоталитарному вождю.

— Ты что в кухне не берляешь. Брезгуешь? — спросила Оля и подбоченилась, уставившись на меня.

Я привыкла уже к её тюремному жаргону, и спокойно ответила:

— Да, брезгую, потому и не берляю здесь. У меня хоть тараканов там нет и чисто всё.

— Отрава от тараканов вреднее, чем сами тараканы.

— Возможно. Дай пройти.

— Слышишь, а меня не пригласишь? А то что-то скучно совсем. У меня и закирять есть. Нехилое бухло, между прочим. Не какая-нибудь фуфлыжная бояра.

— Ладно, всё веселее будет. Пошли. Только я много пить не буду, а то мне плохо станет.

— Так и я много пить не люблю. Просто посидеть, перетереть. Ладно, я сейчас к тебе приду, пузырь принесу.

Я расставила на столе нехитрую закуску и пришедшая Оля разлила по бокалам какое-то марочное вино. Она не наврала, и пахло оно настоящим букетом из хороших сортов винограда. Мы выпили.

— На брудершафт давай — сказала Оля и сама разлила в бокалы по второй. Не почувствовав подвоха, я согласилась:

— Ну давай на брудершафт.

А ведь тётя Наташа предупреждала, что она лесбиянка. Но я как-то не придавала этому значения. Ну захаживали бабы к этой Оле, но и парни ведь тоже ходили. Скорее, было бы

странным, если бы вообще никто не ходил. И не станет же она приставать у всех на виду к своей соседке. Вообще-то мы были одни, но меня не покидала уверенность, что через картонные стены кто-нибудь, да подслушивает, как-нибудь, да подглядывает.

— Будем — сказала Оля, подняв бокал и я взялась за свой.

Звякнув стеклом, мы переплели руки в старом застольном обряде. Следуя традиции, я выпила до дна, и в голове с непривычки у меня завертелось. Согласно ритуалу, следовало теперь поцеловаться, и Оля потянулась ко мне губами. Что же, придвигнулась к ней и я, отдавая дань традиции. Наши губы встретились и я почувствовала горячее дыхание соседки. Отстранившись, Оля сказала:

— Ничего не подумай, это для закрепления дружбы.

— Да нет, я и не думаю — ответила я, и вдруг ощутила в себе какой-то блаженный трепет от прикосновения мягких губ. Внутри, где-то глубоко внизу живота что-то приятно шевельнулось. Странно. Поковыряв вилкой в салате, я снова посмотрела на девицу.

Хорошенькая и ладная. Правда, на руках и плечах её портили наколки. Тюремные повыше, а декоративные из тату салонов пониже.

— Зачем столько наколок-то — смущённо спросила я.

— Ну ведь модно же. Давай, ешь по рюмахе.

— Что-то голова уже кружится. Может, не надо.

— За дружбу и за любовь надо. Мы же не как сосед Вадюля, который киряет как насос.

— Ладно, уломала.

Мы выпили по третьей и Оля опять приблизилась ко мне. И снова это непонятное приятное ощущение, возникшее как и в предыдущий раз. Ведь не люблю я женщин, но здесь что-то другое. Ведь девушка же. Правда, постарше лет на пять, но всё равно красивая и впереди у неё ещё немало лет этой красоты и молодости. Но почему меня так влечёт к ней. Словно магнитом притягивает. Её губы снова коснулись моих, и в этот раз не отстранились. Как хорошо. Хоть бы подольше так было. Оля словно прочитала мои мысли. Обняв меня за шею, она запустила пальцы в мои волосы и стала нежно гладить. Вторая рука её нашупала вмиг затвердевший сосок под моей майкой, и он оказался зажат между мягких пальцев. Ладонь и пальцы неторопливо двигались и гладили мои твердеющие холмики. Губы прижались сильнее, и её язык вторгся в мой рот. По телу тут же пробежал приятный зуд и низ живота сладостно заныл. Чёртова девка. Надо отстраниться. Но не могу. Потому что не хочу я уже отстраняться. Потому что мне нравятся ласки бывшей уголовницы. Ну и пусть ласкает. Я хочу её. В конце концов один раз живём. Да ешё и в деръме. Пусть хоть что-то приятное в душе останется. Плевать на всех соглядатаев. Подсматривать и подслушивать у них уже превратилось в вид спорта. Чёрт с ними. Не прятаться же по подворотням и подъездам. И завидуют пусть нашей любви. Отбросив все колебания, я горячо ответила на поцелуй, и наши языки переплелись. Дав волю чувствам, я выгнулась дугой и застонала.

— Трахаться хочешь? — спросила девушка, тяжело дыша.

— Да, хочу. Я тебя хочу.

Не убирая рук, Оля подвела меня к старенькому допотопному диванчику и уложила на спину. Сев на меня верхом, она стянула с себя топик, обнажая расколотую маленькую грудь. Опять неуловимо, где-то на уровне подсознания что-то возникло внутри моей сущности, и по телу пробежала жгучая волна блаженства. Оля придвигнулась ближе и сжала мою голову между мягких бёдер. Красивые, ухоженные ноги. И я обняла их. Оля нежно мяла мой упругий

мячик, превышающий по размерам её грудь чуть ли не в три раза, а другой рукой гладила меня по лицу. И мне было хорошо. До безумия. Что-то совсем не женское ощущалось в Олином поведении, и я это чувствовала. И всё равно я была потрясена тем, что произошло в следующий момент. Оля приподнялась и сдвинула вниз кружевные трусики. О чёрт. Я не поверила своим глазам! Из под резинки утягивающих трусов вдруг выскоцил настоящий пульсирующий мужской половой орган! Мамма мия. Что творится на белом свете!? А Оля тем временем деловито воткнула его мне в мокрую и дыщащую страстью щёлку, и я почувствовала, как тёплая и упругая плоть уверенно продвигается глубже и глубже.

Девственницей я уже не была, и ощутила то волнующее блаженство от плотного трения тугой и настоящей, не силиконовой, не пластиковой, а именно живой головки и члена. Я выдохнула и расслабилась. А хозяйство ритмично задвигалось внутри моей пещерки. По телу пробегали всё новые и новые вспышки нирваны, и я стонала как шлюха. Стонала и Оля, и по всему было видно что сейчас она совсем не женщина. Диван предательски скрипел и грозил развалиться, а пружины в нескльких местах сильно давили мне в спину. Но это заводило меня ещё больше. Завершающая мощная волна блаженства накрыла меня в последний раз и я кончила. Давно у меня никого не было и, возможно, такого оргазма мне ещё не приходилось испытать. Я лежала на диване и потрясённо наблюдала за тем, как Оля приводила себя в порядок.

Усевшись за стол, она закинула ногу на ногу, налила себе бокал вина и залпом выпила. Теперь она опять ничем не отличалась от девушки, ну только грудь маленькая по размеру. А так вполне милое девичье лицо, осанка, ноги в конце концов женственно-красивые и стройные.

— Ты кто? — наконец спросила я.

— Вообще-то когда-то я была Колей. Но когда повзрослела, то поняла, что нахожусь в чужом теле. Денег на пластику не было, но я принимала и принимаю гормоны. Я женщина, но мне иногда хочется побывать в роли мужчины.

Я молчала и боялась даже смотреть на неё. Что она ещё выкинет. Оля тем временем встала.

— Про меня ходят всякие сплетни, что я мужа своего завалила. Но теперь ты знаешь, что это полный бред. Эти склонники получают удовольствие от своей брехни, пусть брешут, мне на это наплевать, ты тоже не обращай внимания. Изо всех этих уродов только ты одна нормальная.

— Ты тоже мне нравишься — заверила я.

— Тебе противно не было?

— Нет, ты сделала мне хорошо.

— Если ты меня захочешь, то приходи или дай знать.

— Ладно, я подумаю.

Она ушла. Она, или он, или оно. Чёрт. Позор какой. Трахнуться непонятно с существом какого пола! Какой только гадости не переживёшь в нашей бесподобной коммуналочке. Чего-чего, а такого я никак не ожидала. И от себя тоже не ожидала такой реакции. И как же теперь меня называть? Лесбиянка? Вряд ли. Ведь трахнули-то меня настоящим мужским достоинством. Но ведь девушка трахнула! Нет, наверное, не девушка. А кто? Фу, чёрт, не знаю. Я совсем запуталась, и прямо из горла дунула добрых три глотка из принесённой бутылки моего, или моей, уже не знаю кого, любовницы что ли. Наступило состояние алкогольного опьянения, мне сразу стало всё по херу, и я безмятежно уснула.

Меня разбудили громкие крики и вопли за стеной.

— Сволочь, скотина, блядь животное. Когда ты сдохнешь уже, пьяная морда.

— Ах ты шалава паскудная. Убью. Где топор!

— А-а-а-а, пусти, скотина.

— А-а, вот мой топорик. У-у-у, гнида, убью.

И топот по коридору опять и на веки вечные.

Я подошла к зеркалу и подкрасилась. Что же, вполне ничего. Порывшись в шкафу и достав оттуда бутылку шампанского, я вышла из своей комнаты и направилась по узкому коридору туда, где была комната Оли. Постояв немного в нерешительности, я наконец постучалась.

— Войдите, там открыто — услышала я вполне женский Олин голос.

Тряхнув головой, я толкнула дверь и вошла внутрь. Оля посмотрела на меня и нежно улыбнулась. Она меня ждала. И я это знала.

ARHIMED